Мосты округа Мэдисон

Автор:
Роберт Уоллер

Мосты округа Мэдисон

Роберт Джеймс Уоллер

Эта книга – крупнейший литературный феномен Америки, который находился в списке бестселлеров крупнейших газет страны более 90 недель, по праву стал безоговорочным победителем премии ЭББИ. Только в США первый тираж книги тогда никому не известного автора, профессора из Айовы, составил семь миллионов экземпляров. «Мосты округа Мэдисон» – это роман, который пишут только раз в жизни, роман о любви и потере.

Роберт Уоллер

Мосты округа Мэдисон

© Богданова Е. Г., перевод на русский язык, 2007

© Издание на русском языке, перевод на русский язык. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2007

© Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2016

* * *

Начало

Есть на свете песни, рожденные голубоглазой травой, песни, что приносит пыль с тысячи равнинных дорог. Вот одна из них.

Осенью тысяча девятьсот восемьдесят девятого года я как-то засиделся допоздна за работой. Передо мной светился экран компьютера, и я все смотрел и смотрел на мерцающую перед глазами стрелку, но в это время как раз зазвонил телефон.

На другом конце провода я услышал голос человека по имени Майкл Джонсон. Он жил во Флориде, но родился в штате Айова, и недавно друг Майкла прислал ему оттуда одну из моих книг. Джонсон прочитал ее и предложил своей сестре Кэролин. Вот тогда-то они вместе и решили, что мне будет интересно услышать одну историю. Майкл Джонсон оказался человеком осмотрительным и не захотел говорить что-либо по телефону. Но он сообщил, что они с Кэролин хотели бы приехать в Айову и рассказать мне эту историю.

Сразу признаюсь, они разожгли во мне любопытство именно из-за того, что готовы были на такие усилия ради какой-то истории, хотя я и скептически отношусь к подобного рода предложениям. Поэтому я согласился увидеться с ними на следующей неделе в Де-Мойне.

И вот мы встречаемся в отеле «Холидей инн», недалеко от аэропорта. Неловкость первых минут постепенно исчезает. Мы сидим напротив друг друга, а за окном начинает темнеть, неслышно падает снег.

Они вытягивают из меня обещание: если я решу, что писать об этом не стоит, то не должен рассказывать кому бы то ни было о случившемся в округе Мэдисон, штат Айова, в тысяча девятьсот шестьдесят пятом году, а также и о других, связанных с этой историей событиях, которые происходили в течение последующих двадцати четырех лет. Что ж, их просьба вполне обоснованна. Да и, в конце концов, это же их история, не моя.

Майкл и его сестра начинают свой рассказ, а я слушаю. Слушаю напряженно и задаю вопросы. Они отвечают на них. Временами Кэролин, не стесняясь, плачет. Майкл изо всех сил пытается удержаться от слез. Они показывают мне

документы, вырезки из газет, а также дневники их матери, Франчески.

Горничная приходит и уходит. Мы заказываем кофе, потом еще и еще. В голове у меня постепенно рождаются образы. Такой у меня порядок: сначала образы и значительно позже – слова. А потом я уже слышу фразы и вижу их на листах рукописи. И в какой-то момент – уже за полночь – я соглашаюсь написать рассказ или, во всяком случае, попробовать.

Решение предать события гласности далось Майклу и Кэролин нелегко. Ведь деликатные обстоятельства этой истории затрагивают их мать и в немалой степени отца. Они вполне отдавали себе отчет в том, сколько развесистых сплетен может последовать за опубликованием рассказа, каким жестоким унижениям, возможно, подвергнется намять о Ричарде и Франческе Джонсон со стороны людей, знавших их близко.

И все-таки они не сомневались в своем решении. Эта красивая легенда стоила того, чтобы рассказать ее миру – тому миру, где обязательства в каких бы то ни было формах считаются вредными для нервной системы, а любовь стала вопросом удобства. Моя личная убежденность в правоте их суждений нисколько не поколебалась со временем, наоборот, она стала еще крепче.

В ходе работы мне пришлось трижды просить Майкла и Кэролин о встрече, и каждый раз они без каких-либо возражений приезжали в Айову, так как стремились, чтобы рассказ вышел как можно более достоверным. Иногда мы просто беседовали, а иногда садились в машину и, не торопясь, ездили по дорогам округа Мэдисон.

Они показывали мне те места, где происходили события, связанные с этой историей.

Помимо сведений, которые мне предоставили Майкл и Кэролин, в своем рассказе я использовал также материалы дневников Франчески Джонсон. Кроме того, много существенного открылось мне в процессе поисков, проведенных на северо-западе Соединенных Штатов, особенно в Сиэтле и Беллингхеме, штат Вашингтон. Очень важными оказались мои поездки по округу Мэдисон. Я нахожу неоценимой информацию, почерпнутую мной из очерков Роберта Кинкейда, а также помощь, предоставленную редакторами журналов, с которыми он сотрудничал. Весьма полезными для работы были технические подробности,

добытые мной у владельцев фотомагазинов. И конечно, я глубоко благодарен тем немногим, оставшимся в живых замечательным старикам, с которыми мне довелось поговорить в доме для престарелых в Барнесвилле, штат Огайо. Они помнили Кинкейда, когда он был еще ребенком.

Однако, несмотря на все мои изыскательские усилия, в его судьбе остается еще много неясного. В ряде случаев мне пришлось призвать на помощь воображение, но только тогда, когда я был уверен, что оценки мои основываются на правильном понимании личностей Франчески Джонсон и Роберта Кинкейда. Тщательные поиски материалов и их скрупулезное изучение позволили мне приблизиться к такому пониманию, и я, прибегая к воображению, очень близко подошел к тому, что имело место в реальной действительности.

Трудно воссоздать в точности подробности поездки Кинкейда через северные штаты. Мы знаем его маршрут, благодаря многочисленным фотографиям, напечатанным впоследствии в журналах, а также нескольким коротким замечаниям в дневниках Франчески Джонсон и тем запискам, которые он оставлял для редактора «Нейшнл джиографик». Пользуясь этими источниками как путеводителем, я восстановил, полагаю, достаточно точно путь, который привел его из Беллингхема в округ Мэдисон в августе тысяча девятьсот шестьдесят пятого года. Когда же странствия мои подошли к концу и я добрался на машине до округа Мэдисон, должен признаться, я почувствовал, что стал во многом самим Робертом Кинкейдом.

Но мне предстояло решить, пожалуй, самую сложную задачу в моей работе: понять личность Роберта Кинкейда. Он был настолько неоднозначен, что определить его сущность в нескольких словах едва ли возможно. Временами Роберт казался вполне обычным человеком. В другой же раз он выглядел каким-то бесплотным, даже призрачным созданием. В работе Кинкейд был, безусловно, мастером своего дела, но себя он относил к представителям особого вида вымирающих животных, места которому нет в обществе, где все систематизировано и властвует порядок. Как-то однажды Роберт сказал, что слышит внутри себя «беспощадный вой времени». А Франческа Джонсон, описывая его, говорила: «Он обитает в странных, никому не ведомых местах, населенных призраками тех существ, что не нашли себе пристанища на ветвях древа Дарвиновой логики».

И еще два вопроса по-прежнему занимают мои мысли. Во-первых, мы так и не выяснили, что сталось с фотографиями. Учитывая, что он был профессиональный

фотограф, мы рассчитывали найти сотни, а то и тысячи пачек со снимками. Но в его квартире ничего не обнаружили. Наиболее вероятно – и это вполне согласуется с его представлениями о себе самом и своей роли в этой жизни, – что он попросту уничтожил все фотографии незадолго до смерти.

Второй вопрос связан с его жизнью в период с тысяча девятьсот семьдесят пятого по тысяча девятьсот восемьдесят второй год. Об этом времени мы не имеем практически никаких сведений. Известно только, что он несколько лет перебивался кое-как, делая портретные снимки в Сиэтле и одновременно продолжая работать в окрестностях Пьюджет-Саунд. Однако больше мы не знаем ничего. Но одну любопытную подробность выяснить удалось. Все письма, адресованные ему Управлением социального обеспечения и Комитетом по делам ветеранов, вернулись обратно с пометкой: «Вернуть отправителю», сделанной рукой Кинкейда.

Должен признаться, что работа над этой книгой очень сильно изменила мое мировоззрение, образ мыслей, и, самое главное, теперь я с гораздо меньшим цинизмом отношусь к тому, что принято называть человеческими отношениями.

Благодаря тем исследованиям, которые были проведены мной в связи с написанием книги, я близко узнал Франческу Джонсон и Роберта Кинкейда и понял, что границы отношений между людьми могут расширяться в значительно больших пределах, чем я думал прежде. Возможно, что и вы придете к пониманию того же, когда прочтете эту историю.

Вам будет нелегко. Мы живем в мире, где черствость и безразличие все чаще становятся нормой человеческих отношений, а наши души, как панцирем, покрыты струпьями засохших страданий и обид. Не могу точно сказать, где тот предел, за которым великая страсть перерождается в слащавую сахарную водицу, но наша склонность высмеивать первую и провозглашать истинным и глубоким чувством вторую сильно затрудняет проникновение в область нежности и взаимопонимания. А без этого невозможно до конца понять историю Франчески Джонсон и Роберта Кинкейда. Мне самому пришлось преодолеть эту склонность, прежде чем я смог начать писать свою книгу.

Но, если вы подойдете к тому, что вам предстоит прочитать, с «желанием оставить неверие», как называл это Кольридж, вы испытаете, безусловно, то же, что испытал и я. И в прохладных глубинах вашей души вы, возможно, найдете, как Франческа Джонсон, место для танца.

Лето, 1991 г.

Мосты округа Мэдисон

Роберт Кинкейд

Утром восьмого августа тысяча девятьсот шестьдесят пятого года Роберт Кинкейд запер дверь своей маленькой двухкомнатной квартиры на третьем этаже старого дома в Беллингхеме, штат Вашингтон. За плечами у него висел рюкзак, набитый всевозможными фотопринадлежностями, в руке он нес большой чемодан. Кинкейд спустился вниз по деревянным ступенькам и прошел к заднему двору, где стоял его видавший виды грузовик марки «шевроле», который по праву занимал это место – ставить сюда свои машины могли только жильцы дома.

В кабине его уже дожидались еще один рюкзак, средних размеров переносной холодильник, два фотоштатива, несколько блоков сигарет «Кэмел», термос и большой пакет с фруктами. Футляр с гитарой и чемодан заняли свое место в кузове. Кинкейд устроил оба рюкзака на сиденье, холодильник со штативами остались в кабине. Затем он залез в кузов. Чемодан и футляр с гитарой, припертые запасным колесом, не могли уже никуда сдвинуться, однако для большей безопасности он привязал их к колесу куском бельевой веревки, а под старую шину засунул край брезента.

Кинкейд вернулся в кабину, достал пачку «Кэмела», закурил и принялся мысленно перебирать, не забыл ли он чего-нибудь: двести коробок пленки, в основном «Кодакхром», штативы, холодильник, три фотоаппарата и к ним пять объективов, затем джинсы и брюки цвета хаки, запасные рубашки и безрукавка на случай холода – все на месте. Порядок. Остальное можно будет купить по дороге.

На себя он надел старые полинявшие джинсы, изрядно поношенные ботинки и рубашку цвета хаки. Джинсы держались на подтяжках оранжевого цвета. На

широком кожаном ремне висел нож, какие носят солдаты в швейцарской армии. Нож был в чехле.

Кинкейд взглянул на часы: восемь семнадцать. Мотор завелся со второго раза. Так, задний ход, переключить скорости, а теперь вперед, медленно, сквозь узкий проход между домами, навстречу утреннему солнцу. Уходят назад улицы Беллингхема, путь его лежит на юг, через штат Вашингтон, по Одиннадцатой магистрали, сначала несколько миль вдоль побережья Пьюджет-Саунд и затем на восток, потому что именно туда ведет дорога, а ему нужно попасть на государственную трассу номер двадцать.

Вот он – поворот к солнцу, и теперь ему предстоит долгий извилистый путь через Каскады. Кинкейд всегда любил эти места, и поскольку он не спешил, то время от времени останавливался, чтобы запомнить, куда в следующий раз можно приехать поснимать то, что привлекло его внимание. Иногда он доставал фотоаппарат и делал снимки на память, как он сам их называл. Через какое-то время Кинкейд бегло просматривал отснятый материал. И если что-то казалось ему интересным, то он и в дальнейшем мог снова приехать в эти места, чтобы поработать уже основательно.

К вечеру он добрался до трассы номер двадцать и повернул на север, к Спокану. Ему нужно было доехать до Дулута, Миннесота. Машина прошла уже полпути, а вообще маршрут охватывал все северные штаты Америки.

И в тысячу первый раз Кинкейд пожалел, что у него нет собаки, например золотистого ретривера, которого он мог бы брать с собой в такие путешествия, да и дома Роберт не был бы один. Однако ему приходилось часто уезжать надолго, далеко, на другие континенты. Эти поездки чрезвычайно осложнили бы жизнь и собаки, и ее хозяина. И все-таки он хотел иметь такого четвероногого друга. Возможно, через несколько лет, когда он уже будет слишком стар для работы, так сказать, в полевых условиях, вот тогда…

– Вот тогда заведу собаку, – вслух произнес он, обращаясь к хвое, которая промелькнула за окном грузовика.

Длительные поездки по дорогам Америки всегда наводили его на философские размышления о самом себе. Собака являлась неотъемлемой частью этих размышлений. Кинкейд был настолько одинок, насколько это вообще возможно в

жизни, – единственный сын, родители умерли, дальние родственники давно забыли о его существовании, как, впрочем, и он о них. Близких друзей он не имел.

Кинкейд знал, как зовут хозяина продуктовой лавки на углу в Беллингхеме и владельца фотомагазина, где он покупал все необходимое для работы. У него были также формальные деловые отношения с редакторами журналов, в которых он печатался. А больше он, в сущности, никого и не знал. Цыгане плохо уживаются с другими людьми, а Роберт Кинкейд по духу был очень близок к цыганам.

Он вспомнил Мэриан, свою жену. Она ушла от него девять лет назад, после пяти лет совместной жизни. Ему сейчас пятьдесят два, значит, ей около сорока. Мэриан мечтала о карьере певицы. Она исполняла фольклорные песни, выучила наизусть «Песни ткачей» и очень недурно пела их по вечерам в кафе, так что ее знал весь Сиэтл. В прежние времена, когда Роберт бывал дома, он отвозил ее на выступления, а сам садился среди публики и слушал.

Но долгие отлучки – слишком серьезное испытание для супружеской жизни. Они в общем-то отдавали себе в этом отчет, когда решили пожениться. Оба надеялись, что все как-нибудь образуется. Но не образовалось. Когда он однажды приехал домой после поездки в Исландию, где делал фотоиллюстрации для какого-то рассказа, Мэриан не оказалось дома. В ее записке он прочитал: «Роберт, ничего не получается. Оставляю тебе гитару. Не исчезай совсем».

Но он исчез. Как, впрочем, и она. А когда через год ему прислали документы для развода, он подписал их и на следующий день улетел в Австралию. Мэриан не просила ничего, кроме свободы.

Поздно вечером он добрался до Келлиспела, штат Монтана, и остался там на ночь. Отель «Коузи инн» на вид показался ему недорогим. Таковым он и был. Фотопринадлежности Роберт взял с собой в номер.

Из двух настольных ламп работала только одна. Лежа в постели, он читал «Зеленые холмы Африки» и пил небольшими глотками пиво прямо из банки. В комнату просачивался запах с местной бумажной фабрики. С утра он сделал свою обычную сорокаминутную пробежку, потом пятьдесят раз отжался и под

конец сделал несколько упражнений, используя фотоаппараты в качестве гантелей.

И снова «шевроле» катит вперед, оставляя позади землю Монтаны, а впереди расстилается ровная неброская поверхность Северной Дакоты. Но и эта плоская равнина не казалась ему однообразной по сравнению с горами или морем. Он не мог остаться равнодушным к суровой красоте здешних мест и несколько раз останавливался, вытаскивал штатив и делал черно-белые снимки старых ферм. Пейзаж соответствовал его минималистским наклонностям. Индейские резервации мало-помалу приходили в упадок по причинам, всем известным и всеми пренебрегаемым. Не лучше обстояло дело с такими поселениями и на северо-западе штата Вашингтон, как, впрочем, и везде, где он их видел.

Утром четырнадцатого августа, когда до Дулута оставалось часа два езды, он свернул на юг, на местную дорогу, и вскоре добрался до Хиббинса и шахт. В воздухе висела красноватая пыль, вокруг громыхали какие-то громадные механизмы. От шахт отходили составы с рудой, которую доставляли к озеру Верхнее, где ее грузили на суда и отправляли дальше. Кинкейд до вечера бродил по улицам Хиббинса и в конце концов решил, что город ему не по вкусу, пусть даже здесь родился Боб Циммерман-Дилан[1 - Циммерман – Дилан Боб.].

Да и среди песен Дилана по-настоящему ему нравилась только одна: «Девушка из Северного округа». Роберт мог играть и петь ее, и, покидая это место с гигантскими красными дырами, вырытыми в земле, он тихонько мурлыкал мотив этой песенки себе под нос. Мэриан когда-то показала ему несколько аккордов и научила, как нужно исполнять арпеджио[2 - Арпеджио (ит. arpeggio, от arpa – арфа) – исполнение звуков аккорда – вразбивку при игре на арфе, фортепьяно и других инструментах.], чтобы подыгрывать себе на гитаре. «Она оставила мне больше, чем я ей», – признался он однажды пьяному штурману с речного парохода, когда они сидели вместе в заведении под названием «Бар Макэлроя» среди болотистых низин Амазонки и выпивали. И он был прав.

А вот заповедник вокруг озера Верхнее действительно славный. Страна путешественников. В детстве Роберт мечтал о том, что когда он вырастет, то пополнит их ряды. Кинкейд проехал через луга, видел трех лосей, лисицу и великое множество оленей. У пруда он остановился – внимание его привлекла необычно изогнутая ветвь дерева, и Роберт сделал несколько снимков ее отражения в воде. Затем он присел на подножку грузовика покурить и выпить кофе. Наверху, в кронах берез, шумел ветер.

«Хорошо бы рядом кто-нибудь был. Женщина, – подумал он, глядя, как дым от сигареты медленно плывет над прудом. – Чем старше становишься, тем чаще приходят подобные мысли». Но жить с таким скитальцем, как он, слишком тяжело для того, кто остается дома. Он уже один раз пробовал.

В Беллингхеме Роберт встречался с женщиной, они познакомились, когда он делал заказ для рекламного агентства в Сиэтле. Она была арт-директором этого агентства – красивая, яркая женщина сорока двух лет и очень милый, славный человек. Но он не любил ее и никогда не смог бы полюбить.

Они встречались, когда обоим становилось одиноко, и проводили вместе вечер: сначала шли в кино, затем заходили куда-нибудь выпить пива, а потом возвращались домой и занимались любовью. Это было совсем неплохо. Жизнь она знала не по рассказам: два брака за спиной, в юности работала официанткой в баре и одновременно училась в колледже. Каждый раз, когда они лежали, отдыхая после очередного акта любви, она говорила: «Роберт, ты лучше всех. И вне конкуренции. Никто даже сравниться с тобой не может».

Вероятно, такие слова хотел бы услышать каждый мужчина, но сам он мало смыслил в этом вопросе, а способа выяснить, насколько искренне она это говорила, у него не было. Но как-то она сказала ему нечто совсем иное, и ее слова потом долго преследовали его: «Роберт, в тебе есть что-то не поддающееся определению, до чего у меня не хватает сил дотянуться. Но я не могу отделаться от ощущения, что будто ты живешь на свете очень-очень долго, дольше, чем обычные люди, и обитаешь в каких-то закрытых таинственных мирах, о которых никто из нас и понятия не имеет. Ты пугаешь, хотя со мной ты всегда ласков и нежен. Знаю, если бы я не старалась всеми силами контролировать себя, то давно бы уже тронулась, и никто и ничто бы меня не вылечило».

Он догадывался, что она имеет в виду, хотя никогда не смог бы выразить это словами. Будучи подростком, Роберт жил в маленьком городке в Огайо. Его часто преследовали какие-то неопределенные мысли, томительное предчувствие трагедии жизни сочеталось в нем со значительными физическими и умственными способностями. И в то время как его сверстники распевали «Плыви, плыви в лодке», он разучивал английские слова к сентиментальной французской песенке.

Роберта интересовали слова и образы. Одним из самых любимых было слово «голубой». Ему нравилось ощущение на губах и в языке, когда он произносил его. «Слова можно ощущать физически, а не только обозначать ими какие-то понятия» – так думал он в дни своей юности. Ему нравились и другие слова: «отдаленный», «дымный», «тракт», «старинный», «странствовать», «мореход» и еще «Индия», – нравилось, как они звучали, нравился их вкус и те образы, которые они вызывали в его сознании. Роберт имел целый список таких слов, которые он повесил на стене у себя в комнате.

Позже Роберт стал соединять слова в целые фразы. Их он выписывал на листах бумаги, которые тоже вешал на стены:

«Слишком близко к огню»;

«Я прибыл с Востока и вместе со мной караван»;

«Крики тех, кто хочет спасти меня, сменяются криками продающих меня. Кто же перекричит?»;

«Талисман, талисман, мне секрет свой открой.

Капитан, капитан, поверни-ка домой»;

«Лежу обнаженный на китовом ложе»;

«Она пожелала ему дымящихся рельс, когда состав отойдет на всех парах от зимнего вокзала»;

«Прежде чем стать человеком, я был стрелой, но как давно это было».

Но еще ему нравилось, как звучали некоторые названия: Сомалийское течение, гора Большой Томагавк, Малаккский пролив – и много-много других. В конце концов на стенах его комнаты не осталось ни единого свободного места: все было увешано листами со словами и фразами.

Даже его мать заметила, что Роберт не такой, как другие мальчики его возраста. До трех лет он вообще молчал, зато потом сразу стал говорить целыми предложениями, а к пяти годам уже прекрасно читал. В школе он доводил учителей до отчаяния полнейшим равнодушием ко всем без исключения предметам.

Они просмотрели результаты теста и вызвали его на беседу. Ему долго объясняли про достижения в жизни, убеждали: человек должен делать то, на что он способен. Говорили: он, Роберт Кинкейд, может добиться всего, чего захочет. В старших классах один из учителей написал в его характеристике следующее:

«Он (Роберт Кинкейд) считает, что „тест Ай-Кью непригоден для оценки способностей людей, потому что он не принимает в расчет магию, а она очень важна как сама по себе, так и в качестве дополнения к логике“. Предлагаю вызвать на собеседование родителей».

Его мать разговаривала с несколькими учителями, и, когда они начинали говорить ей о молчаливом упорстве Роберта и его способностях, она отвечала: «Роберт живет в придуманном им самим мире.

Я знаю, конечно, что он мой сын, но иногда у меня возникает такое чувство, будто он родился не от нас с мужем, появился откуда-то из совсем другого места на земле и теперь пытается туда вернуться. Я очень признательна вам за внимание к нему и попробую еще раз убедить его проявлять больше интереса к учебе».

Но он предпочитал брать в местной библиотеке книги о приключениях и путешествиях и прочел все, какие только нашел в ней. Его не интересовало мнение других о нем самом. Он мог целые дни проводить у воды – их городок стоял на реке. А футбол, вечеринки и прочие подобные развлечения были ему попросту скучны. Он ловил рыбу, купался, бродил вдоль берега или лежал в высокой траве, прислушиваясь к далеким голосам. Ему чудилось, что они исходили из травы, и никто, кроме него, считал он, не мог их слышать. «Там живут гномы-волшебники, – говорил он сам себе, – и, если сидеть очень тихо и открыться им навстречу, они выйдут».

В такие минуты ему очень не хватало собаки. Денег, чтобы продолжать учебу в колледже, не было, да и особого желания тоже. Отец его много работал, и того, что он зарабатывал, хватало, чтобы прокормить семью, но и только. Зарплата рабочего не позволяла никаких лишних трат, в том числе и на собаку. Ему было восемнадцать, когда отец умер, а Великая депрессия уже сжимала свои железные объятия на шее нации, и он пошел в армию, потому что заботы о матери легли на его плечи, да и за себя теперь отвечал он сам. Четыре года Роберт пробыл в армии, и эти годы полностью изменили его жизнь.

Благодаря каким-то непостижимым соображениям, которыми руководствуется разум военных, его определили в помощники фотографа, хотя он и понятия не имел даже, как заряжать пленку в аппарат. Но именно тогда он и понял, что фотография – это дело его жизни. Техническая сторона не представляла для него затруднений. Через месяц он уже не только помогал печатать снимки двум армейским фотографам, но и получил разрешение самому работать на несложных объектах.

Робертом заинтересовался один из фотографов, Джим Петерсон, и, не пожалев времени, объяснил ему многие тонкости своей профессии. Роберт Кинкейд начал ходить в местную библиотеку в Форт Монмуте, где брал альбомы по фотографии и живописи и часами изучал их. Почти сразу Роберт почувствовал, что особенно его восхищают французские импрессионисты и Рембрандт – мастер светотени.

Постепенно он понял, что искусство фотографии заключается в том, чтобы снимать свет, а не предметы. Сам по себе предмет служит просто орудием для отражения света, его проводником. И если освещение хорошее, то всегда можно найти в предмете что-то достойное внимания фотографа. В те времена только начали появляться тридцатипятимиллиметровые аппараты, и он купил себе подержанную «лейку» в местном магазинчике фотопринадлежностей, которую и взял с собой на мыс Кейп-Мей в Нью-Джерси. Он провел там неделю своего отпуска, фотографируя все живое, что только замечал на берегу.

В следующий свой отпуск Роберт взял билет на автобус и доехал до штата Мэн, а затем, голосуя на дорогах, добрался до Восточного побережья. Там он сел на почтовый пароход, отходивший ночью из Стонингтона, и доплыл на нем до острова Оу, разбил палатку и провел там несколько дней. Потом сел на паром и через залив Фанди доплыл до Новой Скотии. Тогда-то он и начал описывать те места, которые хотел бы посетить еще раз. Пейзажам он уделял особое место, так как ему казалось, что они могли бы послужить фоном для какого-нибудь

сюжета.

Кинкейду было двадцать два, когда он демобилизовался. Его уже знали как очень приличного фотографа, так что он без труда нашел работу в престижном доме моделей в Нью-Йорке в качестве помощника фотографа.

Девушки-фотомодели были очень красивы, он встречался с несколькими и в одну даже почти влюбился, но потом ей предложили работу в Париже, и они расстались. На прощание она сказала ему: «Роберт, я не знаю, кто ты и что ты такое, но, пожалуйста, приезжай в Париж».

Он обещал, что приедет, как только сможет, и в тот момент сам в это верил, но так и не поехал. Прошло много лет. Как-то ему довелось делать репортаж о пляжах Нормандии. Он нашел ее номер в телефонном справочнике Парижа и позвонил. Они встретились и поболтали, сидя за кофе в уличном кафе. Она вышла замуж за кинорежиссера, и у нее было трое детей.

Само понятие моды он не воспринимал. Люди выбрасывали совершенно новые, хорошие вещи или поскорее переделывали их в угоду требованиям европейских законодателей моды. Это казалось ему настолько глупым, что он чувствовал себя ничтожным, обслуживая эту отрасль человеческой деятельности.

– Я не понимаю, что вы делаете, – сказал Роберт на прощание людям, на которых он работал.

Он уже больше года жил в Нью-Йорке, когда умерла его мать. Роберт поспешил в Огайо, похоронил ее и предстал перед адвокатом для слушания последней воли умершей. Мать оставила немного. Сам он вообще ничего не ожидал и очень удивился, когда оказалось, что маленький домик его родителей был тем капиталом, который они накопили за всю свою жизнь. Роберт продал дом и на эти деньги купил первоклассную фотоаппаратуру. Выписывая чек в магазине, он думал о том, сколько лет его отец зарабатывал эти доллары, и о той предельно скромной жизни, которую вели его родители.

Тем временем его работы начали потихоньку появляться в различных небольших журналах. А потом позвонили из «Нейшнл джиографик». Им попался на глаза календарь с одним из его снимков, которые он сделал на мысе Кейп-Мей. Они поговорили с ним и дали маленькое задание, которое он выполнил на высоком

профессиональном уровне. С этого момента он вышел на свою дорогу.

В сорок третьем году его снова призвали в армию. Он пошел служить на флот и пропахал весь путь до пляжей в южных морях с фотоаппаратом на плече. Лежа на спине, он снимал высадку десанта на берег, видел ужас на лицах людей, ощутил его сам, запечатлел, как падают матросы, разрезанные пополам пулеметным огнем, слышал, как они просят у Бога пощады и умоляют своих матерей спасти их от гибели. Многое попало в объектив его фотоаппарата, и при этом он сумел остаться в живых и с тех пор навсегда избавился от заблуждений, именуемых военной романтикой и славой профессии армейского фотографа.

Вернулся Роберт в сорок пятом году и сразу же позвонил в «Нейшнл джиографик». Они ждали его в любое время. Тогда он купил в Сан-Франциско мотоцикл и погнал его на юг, до Биг-Су. Там Роберт занимался любовью на пляже с виолончелисткой из Кармела, а потом подался на север. Внимание его привлек штат Вашингтон: ему понравились места, и он решил обосноваться там, на северо-западе Соединенных Штатов.

В пятьдесят два года он все еще видел перед собой свет. Теперь он побывал во всех тех местах, которые в детстве представали перед ним только на плакатах, и не переставал удивляться, что ему это удалось. Он видел Райфлз-Бар, поднялся вверх по Амазонке на моторной лодке, которая пыхтела и чихала, выпуская из себя струю вонючего дыма. На спине верблюда пересек пустыню Раджастхан.

Берег озера Верхнее радовал глаз – именно таким Роберт его и представлял: спокойным и безмятежным. Он осмотрел окрестности, нашел несколько мест, привлекательных с точки зрения композиции, и внес их в свой блокнот, а затем двинулся дальше вдоль Миссисипи, в штат Айова. Ему не приходилось раньше бывать здесь, но вид холмов, высившихся на северо-востоке штата, сразу же захватил его. Он остановился в небольшом городке Клейтон и два дня подряд выходил на рассвете фотографировать буксирные катера на реке. В местном баре Роберт познакомился с капитаном одного из буксиров. Капитан пригласил его на катер, где Роберт и провел остаток второго дня.

Отрезок пути по Шестьдесят пятой дороге занял мало времени, и было еще совсем рано в понедельник шестнадцатого августа тысяча девятьсот шестьдесят пятого года, когда он, проехав Де-Мойн, свернул на Девяносто вторую дорогу штата Айова и покатил в сторону округа Мэдисон, где в

соответствии с указаниями «Нейшнл джиографик» находились крытые мосты.

– Да-да, их следует искать именно там, – подтвердил человек на бензоколонке «Тексако» и весьма сносно объяснил, как до них добраться.

Шесть мостов Роберт нашел легко и сразу же принялся обдумывать план съемки. Но седьмой – Розовый мост – он никак не мог разыскать. Жара стояла невыносимая. Ему самому было жарко, и «Гарри» – его грузовику – тоже, но он все ехал и ехал вперед, поворачивая то направо, то налево; одна каменистая дорога кончалась, начиналась другая, а больше ничего не происходило.

Путешествуя по разным странам, Роберт придерживался такого правила: «Спроси трижды». Это означало, что когда три раза спросишь, как попасть в то или иное интересующее тебя место, то, даже если все ответы окажутся неверными, ты, тем не менее, определишь, в каком направлении нужно двигаться. Здесь же, в штате Айова, возможно, хватит и двух раз.

Примерно в ста ярдах от дороги, в конце узкого проезда между кустами, он заметил почтовый ящик, на котором было написано: «Ричард Джонсон, РР2». Он сбавил скорость и свернул в проезд, надеясь спросить дорогу у владельцев почтового ящика.

Кинкейд подъехал к воротам фермы и увидел во дворе дома женщину. Она сидела на ступеньках крыльца. От всего этого места исходила прохлада, и женщина тоже пила что-то, показавшееся ему очень прохладным. Она поднялась со ступенек и направилась ему навстречу. Кинкейд вылез из кабины и посмотрел на нее, потом еще раз и еще. Она была очень красивая, или, возможно, прежде славилась красотой, или могла бы быть красивой. И сразу же он почувствовал неуклюжую стеснительность – ту самую стеснительность, свойственную ему только тогда, когда рядом появлялась женщина, которая хотя бы немного ему нравилась.

Франческа

Франческа родилась глубокой осенью…

Холодный дождь хлестал по крыше ее дома, затерянного посреди просторов юга Айовы. Она стояла и смотрела на падающие капли дождя и на то, как проглядывают сквозь серую пелену холмы и река, и вспоминала Ричарда. В такой день он умер восемь лет назад от болезни, название которой ей не хотелось вспоминать. Но сейчас Франческа думала о нем и его неизменной доброте, о непоколебимых принципах, которым он никогда не изменял, о том, что, благодаря Ричарду, ее, Франчески, жизнь была спокойной и размеренной.

Дети уже позвонили. В этом году они оба опять не сумели приехать, хотя ей исполнилось уже шестьдесят семь. Как и прежде, она все поняла. Она всегда понимала их. И всегда будет понимать. Оба много работали, продвигаясь по ступенькам служебной лестницы, у обоих было много хлопот: нелегко заведовать клиникой и нелегко работать со студентами. Кроме того, Майклу нужно строить семью – уже во второй раз, а Кэролин пыталась сохранить свою. В глубине души Франческа радовалась, что детям никогда не удавалось приехать на ее день рождения – в этот день она выполняла свои ритуалы и не хотела, чтобы какие бы то ни было обстоятельства помешали их выполнению.

С утра к ней забежали друзья из Уинтерсета и принесли с собой торт. Франческа сварила кофе, и они немного поболтали. Разговор коснулся детей и города, затем они перешли на День благодарения и обсудили проблему подарков на Рождество. Все сидели в гостиной, то и дело разговор прерывали взрывы веселого смеха, голоса звучали то громче, то тише, и успокоение, которое Франческа черпала из ощущения давнего знакомства с этими людьми, напомнило ей об одной маленькой причине, по которой она осталась жить в этом доме после смерти Ричарда.

Майкл тогда усиленно предлагал ей переехать к нему во Флориду, Кэролин расхваливала Новую Англию. Но она осталась здесь, среди холмов Айовы, на своей земле, потому что хотела сохранить свой старый адрес. И была рада, что сделала это.

К полудню все разъехались. Франческа смотрела, как отъезжают гости в своих «бьюиках» и «фордах», сначала по дорожке от ворот ее дома, а затем сворачивают на мощенную камнем дорогу в сторону Уинтерсета. Щетки на стеклах машин работали на полную мощность, разгоняя дождь. Хорошие, добрые друзья, но никогда, никогда они не смогут понять то, что она, Франческа, хранила в своей душе, даже если бы она рассказала им все.

Муж когда-то сказал, что она найдет здесь много друзей. Он только привез ее сюда после войны из Неаполя. Ей вспомнились его слова: «У этих людей много недостатков, но равнодушия к чужим бедам ты не увидишь ни в ком из них». Так оно и оказалось.

Ей было двадцать пять, когда она познакомилась с Ричардом. Франческа уже три года преподавала после окончания университета в частной школе для девочек. Не раз она размышляла о своей дальнейшей судьбе. Одни молодые итальянцы погибли, другие находились в лагерях, а вернувшиеся домой были искалечены или сломлены войной. Ее роман с Никколо уже год как закончился под давлением ее родителей, воззрения которых на жизнь отличались значительным консерватизмом. Никколо преподавал в университете живопись, весь день он писал картины, а ночью пускался в самые дикие, безрассудные странствования по притонам Неаполя и брал ее с собой.

Она вплетала тогда ленты в черные волосы и оставалась верна своим мечтам. Но красивые моряки не сходили с кораблей на берег в поисках прекрасной Франчески, никто не пел под ее окнами серенады. Суровая тяжесть действительности давала о себе знать, и постепенно Франческа стала понимать, что выбирать ей, в сущности, было не из чего. А жизнь с Ричардом предполагала реальные перспективы. Рядом добрый и порядочный человек, поэтому радужные надежды на спокойную жизнь в Америке могли осуществиться.

Они сидели на улице в кафе под горячими лучами средиземноморского солнца. Франческа всматривалась в него, изучала его военную форму, отмечала, как серьезно смотрит на нее американец со Среднего Запада, а потом взяла да и поехала с ним в Айову. Поехала, чтобы родить ему двоих детей, а потом смотреть, как подросший Майкл играет в футбол холодными октябрьскими вечерами, и ездить в Де-Мойн с Кэролин за платьями для очередного школьного бала. Несколько раз Франческа обменялась письмами с сестрой, которая осталась жить в Неаполе, и дважды ездила туда, когда умерли отец и мать. Но ее домом стал округ Мэдисон, и она не чувствовала в себе никакого желания вернуться на родину.

Днем дождь прекратился, но к вечеру пошел опять. Начинало темнеть. Франческа налила себе рюмку бренди, открыла нижний ящик старинного орехового секретера – он принадлежал еще семье Ричарда и пережил три поколения. Она достала большой коричневый конверт и медленно провела по нему рукой, как делала это каждый раз в свой день рождения уже много лет.

На почтовом штемпеле значилось: «Сиэтл, штат Вашингтон. Двенадцатое сентября, тысяча девятьсот шестьдесят пятый год». Она всегда сначала смотрела на штемпель – это было началом ритуала. Затем взгляд ее скользил вниз, туда, где был написан ее адрес: «Франческе Джонсон, РР2, Уинтерсет, Айова». Дальше она смотрела на обратный адрес, небрежно нацарапанный в верхнем левом углу: «Почтовый ящик 642, Беллингхем, Вашингтон». Она присела в кресло у окна, не отводя взгляда от обоих адресов, и углубилась в воспоминания, ибо за этими строчками на конверте было движение его рук, а она хотела ощутить их прикосновение так, как она ощущала это двадцать два года назад.

Почувствовав наконец, как его руки касаются ее тела, Франческа открыла конверт и осторожно вынула три письма, рукопись, две фотографии и «Нейшнл джиографик» вместе с вырезками из других номеров этого же журнала. Сумерки сгущались. Она смотрела поверх бокала с бренди на строчки, написанные от руки на листке бумаги, прикрепленном к машинописным страницам рукописи. Вверху мелким шрифтом было напечатано: «Роберт Кинкейд, писатель и фотограф».

«12 сентября 1965 года.

Дорогая Франческа!

Посылаю тебе две фотографии. Одну из них я сделал, когда мы были с тобой на пастбище на рассвете. Надеюсь, она тебе понравится так же, как и мне. На другой – Розовый мост. На нем виднеется твоя записка.

С тех пор как я уехал, не даю покоя своим серым клеткам и заставляю их прокручивать снова и снова до мельчайших подробностей события, которые произошли между нами в те несколько дней, что мы были вместе. Я задаю себе один и тот же вопрос: что случилось со мной в округе Мэдисон? Стараюсь осознать это до конца. Вот почему я написал небольшую вещь – „Вырываясь из измерения «Зет»“, которую и посылаю тебе. С ее помощью пытался разобраться в себе, во всей той неразберихе мыслей и чувств, которая творится сейчас в моей душе.

Я смотрю в объектив – и вижу тебя, начинаю работать над какой-нибудь статьей, а пишу о тебе. Не могу даже сказать, как я вообще добрался домой из Айовы. Но старичок „Гарри“ (мой грузовик, если помнишь) как-то довез меня. Но я совершенно не в состоянии объяснить, как ухитрился проехать все эти мили.

Всего лишь несколько недель назад я был замкнутым человеком, но это, в сущности, мне не мешало. Пожалуй, я не выглядел слишком счастливым и временами чувствовал свое одиночество, но тем не менее в целом я был удовлетворен жизнью. А теперь все изменилось.

Сейчас мне совершенно ясно, что я давно уже шел к тебе, а ты ко мне, хотя мы и не подозревали о существовании друг друга. Какая-то бездумная уверенность, скрытая глубоко под нашим неведением, и привела нас друг к другу. Как две одинокие птицы, мы парили над великой равниной, подчиняясь некоему небесному расчету, и все годы, прожитые нами, нужны были для того, чтобы мы наконец встретились.

Странная штука – дорога. Не ведая ни о чем, я брел себе и брел в тот августовский день, и вдруг поднял глаза, а ты уже шла по траве навстречу. Оглядываясь назад, я понимаю, что произошло неизбежное, я называю это высочайшей вероятностью невероятного, а если попросту, иначе и быть не могло.

Теперь внутри меня живет другой человек. Хотя, пожалуй, лучше всего я смог выразить это ощущение в тот день, когда мы расстались. Я сказал тогда, что из нас двоих мы сотворили третью личность, и теперь она повсюду следует за мной.

Не знаю как, но мы должны увидеться снова где бы то ни было.

Позвони, если что-нибудь понадобится или просто соскучишься. Я мигом при мчусь. А если соберешься сюда, дай мне знать обязательно в любое время. О билетах, если возникнет такая проблема, я позабочусь. На следующей неделе отбываю на юго-восток Индии, вернусь в конце октября.

Люблю тебя. Роберт.

P.S. Мосты вышли замечательно. Появятся в „НД“ в будущем году, так что жди. А хочешь, я пришлю тебе тот журнал, в котором их напечатают?»

Франческа Джонсон поставила рюмку на широкий дубовый подоконник и перевела взгляд на черно-белую фотографию восемь на десять – ее, Франчески, фотографию. Теперь уже ей не всегда удавалось вспомнить, как она выглядела тогда, двадцать два года тому назад. На ней полинялые джинсы в обтяжку, босоножки, белая футболка. Волосы развеваются на ветру. Сзади забор. Фотография сделана ранним утром.

Со своего места у окна Франческа могла видеть сквозь пелену дождя тот самый столб, к которому она прислонилась тогда. Старый забор все еще огораживал пастбище. После смерти Ричарда она сдала землю в аренду, но оговорила, что пастбище трогать нельзя, все должно остаться, как есть, и с тех пор оно так и стояло пустым и поросло высокой луговой травой.

Тогда первые глубокие морщины только начали появляться на ее лице, и на фотографии они были видны. Пленка выявила их. И все-таки она себе нравилась: волосы густые и черные, тело упругое, от него исходило тепло, джинсы обтягивали именно те места, какие надо. Но на фотографии приковывало к себе внимание именно лицо женщины, до безумия влюбленной в человека, снимавшего ее.

В потоке воспоминаний Франческа видела Роберта совершенно отчетливо. Каждый год в этот день она мысленно просеивала образы сквозь сознание, тщательно отделяя один от другого, не позволяя себе забыть ни одной мельчайшей подробности и навсегда запечатлевая в своей памяти события тех дней. Так, наверно, передавали устные предания из поколения в поколение древние племена.

Роберт был высокий, худой и сильный, а двигался, как трава под ветром, плавно, без усилий. Серебристо-седые волосы прикрывали уши и шею, и, надо сказать, выглядел он всегда слегка растрепанным, как будто только что сошел на землю после путешествия по бурному морю и пытался ладонью привести волосы в порядок. Узкое лицо, высокие скулы и лоб, наполовину прикрытый волосами, на фоне которых голубые глаза смотрелись особенно ярко. Взгляд его, казалось, постоянно перебегал с одного предмета на другой в поисках нового сюжета, новой композиции.

В то утро он все время улыбался и говорил ей, какой красивой и теплой она выглядит в лучах утреннего солнца, потом попросил Франческу прислониться к забору, а сам принялся кружить вокруг нее с фотоаппаратом, то опускаясь на колено, то вставая, а затем лег на спину и сфотографировал ее снизу вверх.

Франческе тогда было неловко при мысли, сколько пленки он извел на нее, но в то же время нравилось, что он уделяет ей столько внимания. А еще она надеялась, что никто из соседей не выедет на тракторе в такую рань. Впрочем, в то утро ей было все равно, что подумают соседи.

А Роберт все снимал и снимал кадр за кадром, перезаряжал пленку, менял объективы и все это время не переставал говорить ей, как она нравится ему и что он любит ее. «Франческа, ты невероятно красивая женщина», – неустанно повторял он. А иногда выпрямлялся и просто смотрел на нее, вокруг нее, сквозь нее.

На фотографии видно, как явно очерчиваются соски под футболкой. Но ее это совершенно не смущало. Острое чувство горячей нежности пронизывало все ее тело при мысли, что Роберт так отчетливо видит ее грудь через объектив. Будь рядом Ричард, ей бы и в голову не пришло так одеться. Он не одобрил бы ее. Да она раньше, до встречи с Робертом Кинкейдом, никогда так и не одевалась.

А Роберт тогда попросил ее слегка выгнуть спину и, когда она сделала это, прошептал: «Да, да, вот так, хорошо. Оставайся так».

И теперь она смотрела на фотографию, которую он тогда сделал. Освещение было великолепным – он называл его рассеянно-ярким, – и створки фотоаппарата непрерывно щелкали, пока Роберт ходил вокруг нее.

Он был гибкий – именно это слово пришло ей на ум, когда она наблюдала за его движениями ранним утром на пастбище. В пятьдесят два года тело его состояло сплошь из мускулов, и они двигались под кожей с напряжением и силой, присущими лишь тем мужчинам, кто много работает и к тому же постоянно поддерживает форму. Он рассказал ей, что во время войны служил на флоте фотокорреспондентом. Их часть вела боевые действия на Тихом океане, и Франческе было нетрудно представить, как Роберт шагает по задымленному берегу вместе с моряками, тяжелая аппаратура при ходьбе бьет его по бедру, глаза не отрываются от объектива, и створки фотоаппарата раскалились добела

от непрерывной работы.

Франческа снова перевела взгляд на фотографию и пристально всмотрелась в себя.

«Я и в самом деле неплохо выглядела, – подумала она, любуясь собой. – Собственно, я никогда больше не была так хороша, ни до, ни после. Это все он».

Франческа выпила еще немного бренди, а дождь, казалось, оседлав холодный ноябрьский ветер, вместе с ним обрушивался в яростных порывах на весь мир.

Роберт Кинкейд был в каком-то смысле колдун и обитал сам по себе в никому не ведомых местах, таинственных и грозных. Франческа мгновенно почувствовала это, как только он ступил на землю, выйдя из своего грузовика в тот жаркий сухой понедельник августа тысяча девятьсот шестьдесят пятого года, и вошел в ворота ее дома. Ричард и дети уехали на ярмарку в Иллинойс – им предстояло выставить там призового бычка, который получал неизмеримо больше внимания с их стороны, нежели она. Но зато неделю Франческа могла распоряжаться собой как хотела.

Она сидела на ступеньках крыльца, пила чай со льдом и наблюдала без особого интереса, как поднимается столбом пыль на дороге от колес проезжавшей мимо машины. Машина – грузовик – двигалась медленно, как если бы водитель не был уверен в выбранном направлении. Наконец он притормозил и, свернув в проезд, медленно поехал прямо к ее дому. «Бог ты мой, – подумала она. – Кто это?»

Франческа была в джинсах и старой голубой ковбойке с закатанными рукавами. Ходить по такой жаре она предпочитала босиком. Длинные черные волосы Франческа забрала сзади в хвост, заколов их черепаховым гребнем, подаренным ей отцом, когда она уезжала из Италии.

Грузовик подкатил к самым воротам и остановился рядом с проволочным забором. Франческа встала и неторопливо пошла навстречу незнакомцу. А из грузовика выпрыгнул Роберт Кинкейд, который выглядел в точности как картинка из несуществующей книги под названием «Иллюстрированная история шаманства и колдовства».

Бежевая, военного образца рубашка насквозь пропиталась потом и прилипла к спине, темные широкие круги виднелись под мышками. Три верхние пуговицы на рубашке были расстегнуты, и ей бросились в глаза мощные грудные мышцы под простенькой серебряной цепочкой. Поверх рубашки проходили широкие полосы подтяжек оранжевого цвета – такие обычно носят люди, чья жизнь связана с пребыванием в дикой местности.

Он улыбнулся:

– Простите, что приходится вас беспокоить, но дело в том, что я ищу крытый мост, но никак не могу найти. Боюсь, что на данный момент я заблудился.

Роберт вытер лоб синим носовым платком и снова улыбнулся. Его взгляд был устремлен прямо на Франческу, и она почувствовала, как что-то шевельнулось у нее внутри. Глаза, голос, лицо, серебристо-седые волосы, легкость, с которой он нес свое тело, – все это древние тропы. Они заманивают и завлекают тебя, нашептывают тебе нечто в то самое краткое мгновение, когда еще не спишь, но сон уже пришел и все преграды пали. Тропы, которые пересекают космическое пространство длиной в один атом, что разделяет мужское и женское начало на любой ступени эволюционного развития. «Род должен продолжаться», – шепчут древние тропы, и это все, что им нужно, больше ничего. Власть их безгранична, и способы ее осуществления отточенны и просты. Тропы ведут всегда в одном направлении, вперед, к цели, которая ясна. Идти по ним легко, к сожалению, мы все запутываем и запутываемся сами. Франческа поняла это сразу, так как клетки ее тела приняли сообщение. И тогда случилось то, что изменило ее жизнь навсегда.

По дороге, поднимая за собой облако пыли, проехал автомобиль и посигналил ей. Бронзовая рука Флойда Кларка просунулась в окно «шевроле», и Франческа помахала ему в ответ, а потом снова повернулась к Роберту.

– Вы почти у цели, – сказала она. – Отсюда до моста две мили.

И после долгих лет жизни в замкнутом кругу с четко очерченными правилами поведения и скрытыми глубоко в душе чувствами, как того требовали сельские обычаи, Франческа Джонсон произнесла нечто удивительное для самой себя.

– Если хотите, – сказала она, – я буду рада показать вам дорогу.

Франческа так никогда и не поняла до конца, как смогли эти слова вырваться наружу. Возможно, причиной тому были юные чувства, еще жившие в ней и поднявшиеся на поверхность ее души, как поднимаются пузырьки воздуха из глубины озера и лопаются наверху. Кто знает? Она не страдала особой застенчивостью, но и развязной тоже не была. В конце концов она заключила, что Роберт Кинкейд каким-то образом расположил ее к себе за те несколько секунд, что она смотрела на него.

Он явно был ошарашен ее предложением, но быстро пришел в себя и очень серьезно сказал, что будет признателен за помощь. Франческа сбегала к заднему крыльцу, надела свои рабочие сапоги и последовала за ним к грузовику.

– Подождите минутку, хорошо? Я только освобожу для вас место, а то здесь все забито, – пробормотал он, больше обращаясь к самому себе, и Франческа поняла, что он смущен и взволнован предстоящей поездкой.

Он принялся перекладывать штативы, холщовые мешки и распихивать по углам бумажные пакеты. Наверху, в кузове, она заметила старый рыжий чемодан и футляр с гитарой, оба пыльные и потрепанные. Куском бельевой веревки они были привязаны к запасному колесу – для надежности.

Дверца кабины качалась, слегка ударяя Роберта по спине, и он все бормотал что-то, перекладывал с места на место вещи, засовывал в коричневый пакет бумажные стаканчики из-под кофе и банановую кожуру. Покончив с уборкой, он швырнул пакет в кузов. Бело-голубой переносной холодильник он задвинул подальше в угол кабины. На зеленой дверце грузовика Франческа заметила полустершуюся надпись: «Фотомастерская Кинкейда, Беллингхем, Вашингтон».

– Ну вот, теперь, я думаю, вы протиснитесь.

Пока она садилась, Роберт придерживал дверь, затем закрыл ее, обошел грузовик и неуловимо быстрым движением запрыгнул в кабину.

Искоса взглянув на нее, он слегка улыбнулся и спросил:

– Куда ехать?

– Направо… – И Франческа показала рукой.

Он повернул ключ зажигания, и до того молчавший двигатель заработал. Грузовик тронулся, подпрыгивая на каждом бугорке. Его длинные ноги нажимали на педали, края потрепанных джинсов задевали за кожаные шнурки высоких коричневых ботинок, глядя на которые можно было сразу определить, что их хозяин много ходит пешком.

Он наклонился вперед, задев ненамеренно ее бедро, и открыл ящичек. Поглядывая на дорогу, он некоторое время шарил там рукой и среди всевозможных вещей нашел наконец визитную карточку и вытащил ее.

– Роберт Кинкейд, писатель и фотограф, – представился он.

Она посмотрела на карточку. Адрес был напечатан тут же, вместе с номером телефона.

– Я здесь по заданию «Нейшнл джиографик», – объяснил он. – Вы знаете этот журнал?

– Да, – ответила она, а про себя подумала: «Да кто ж его не знает?»

– Они хотят сделать очерк о крытых мостах, а здесь, в Айове, есть кое-что интересное. Я обнаружил уже шесть мостов, но, насколько я знаю, есть еще седьмой, где-то подальше.

– Он называется Розовым, – сказала Франческа, стараясь перекричать шум ветра, скрежет колес и рев двигателя. Голос ее звучал странно, как будто он принадлежал не ей, а кому-то другому – той девочке из Неаполя, которая надеялась увидеть, как с поезда или с корабля сойдет ее единственный, долгожданный возлюбленный и стремительно направится к ней по этой улице. Она продолжала что-то говорить, а сама смотрела, как напрягаются мускулы его руки, когда Роберт переключал скорость.

Рядом с ее сиденьем лежали два рюкзака. Клапан одного из них был застегнут, но край другого загнулся, и Франческа увидела серебристо-серую крышку и черный корпус фотоаппарата, к которому была привязана коробка с пленкой

«Кодак-хром-II». Среди пакетов она заметила коричневую безрукавку со множеством карманов. Из одного кармана торчал тонкий провод со штоком на конце.

Под ногами у нее лежали два штатива, покрытые сплошь царапинами. Но на одном из них Франческа сумела прочитать название фирмы «Джитзо». Еще она разглядела, что в ящичке вперемешку валялись блокноты, карты, ручки, катушки из-под пленки и прочий хлам. Там же лежали разменная мелочь и блок сигарет «Кэмел».

– За углом сверните направо, – подсказала она и, пользуясь случаем, взглянула на его профиль. Загорелый гладкий лоб блестел от пота, красивый рот – это она заметила почему-то с самого начала, – а нос как у индейца. Когда-то давно – дети были еще совсем маленькими – они всей семьей ездили отдохнуть на Западное побережье, и Франческа запомнила, как выглядят мужчины-индейцы в профиль.

Он не был красив в общепринятом смысле этого слова, но и простоватым она тоже бы не назвала его. Ни то, ни другое определение не подходило ему. В нем таилось что-то такое, чему нет названия, нечто очень древнее, на чем годы оставили свой след, – не во внешности, конечно, а в глазах.

На левой руке он носил какие-то замысловатые часы на кожаном, пропитанном потом ремешке, на правой Франческа увидела серебряный браслет со сложным орнаментом. «Браслет не мешало бы почистить», – подумала она, но тут же мысленно обругала себя за провинциальное внимание к мелочам – привычку, против которой сама же боролась все эти годы.

Роберт Кинкейд достал из нагрудного кармана пачку «Кэмел», вытряхнул из нее сигарету и предложил ей. И снова за последние пять минут Франческе пришлось удивляться самой себе, потому что она взяла сигарету. «Что я делаю?» – задумалась она. Когда-то она не прочь была покурить, но давно уже отказалась от этой привычки под настойчивым давлением со стороны Ричарда.

Он вытряхнул еще одну сигарету, сунул ее в рот и достал зажигалку – золотую «Зиппо». Щелкнув колесиком, он поднес зажигалку к ее сигарете, не отводя взгляда от дороги.

Франческа заслонила огонек ладонями от ветра. Ей пришлось слегка опереться на его руку, потому что из-за тряски в машине она никак не могла коснуться концом сигареты мелькающего пламени. Понадобилась всего секунда, чтобы прикурить, но и за это время она успела почувствовать тепло его руки и крохотные волоски на коже.

Франческа откинулась назад. Он поднес зажигалку к своей сигарете, ловко прикрыл огонек одной рукой и закурил. Это движение заняло у него доли секунды.

Франческа Джонсон, жена фермера из Айовы, удобно устроилась на пыльном сиденье грузовика, курила и показывала дорогу Роберту Кинкейду.

– Ну вот, за поворотом вы увидите его, – наконец произнесла она, вытягивая вперед руку.

Старый мост соединял берега неширокой речки. Он немного покосился от времени, краска в некоторых местах совсем облупилась.

Роберт Кинкейд улыбнулся, потом быстро взглянул на нее и сказал:

– Я приду сюда на восходе. Замечательно получится.

Он остановил грузовик футов за сто от моста и спрыгнул на землю, стащив за собой рюкзак с загнутым клапаном.

– Хочу немного осмотреться, – сказал он Франческе. – Вы не против?

Она не возражала и улыбнулась ему в ответ.

Из окна кабины Франческа наблюдала, как Роберт идет по дороге, на ходу вытаскивая из рюкзака фотоаппарат, а затем закидывает мешок на левое плечо. Судя по легкости движения, он, должно быть, проделывал это тысячу раз. И все время его голова находилась в движении, он смотрел то в одну сторону, то в другую, потом на мост, на деревья рядом с мостом. Один раз Роберт обернулся и взглянул на нее. Его лицо было очень серьезно.

По сравнению с местными жителями, которые питались в основном картошкой с мясом и подливой, некоторые по три раза в день, Роберт Кинкейд выглядел так, словно он ел исключительно фрукты, орехи и овощи.

«Видно, что он физически сильный», – подумала она.

Франческа обратила внимание на его узкий таз, который так туго обтягивали джинсы, что были видны контуры бумажника в левом кармане и носового платка в правом. Роберт ходил плавно, не делая ни одного лишнего движения.

Вокруг стояла тишина. Краснокрылый дрозд сидел на заборе и посматривал на Франческу черным блестящим глазом. Из придорожной травы доносился зов лугового жаворонка. А больше ни звука, ни движения не было заметно под белым августовским солнцем.

Не дойдя до моста, Роберт Кинкейд остановился. Он постоял немного, потом присел на корточки и посмотрел на мост через объектив. Перешел дорогу и проделал то же самое с другой стороны, после чего углубился под крышу моста и принялся рассматривать балки и доски настила, а затем, выглянув через проем сбоку, посмотрел вниз, на реку.

Франческа потушила окурок, толкнула дверь и выпрыгнула из кабины. Взгляд ее скользнул по дороге: соседских машин как будто не видно. Она направилась к мосту. Полуденное солнце пекло нещадно, а под крышей моста, казалось, можно было найти прохладу. На мгновение силуэт Роберта мелькнул у другого выхода, потом он направился вниз, к ручью, и исчез.

Под крышей негромко ворковали в гнездах голуби. Она положила руку на перила и ощутила мягкий жар, исходивший от дерева. Там и сям на планках попадались следы деяний человека в виде надписей: «Джим бо – Денисон, Айова», «Шерри + Дабби» и «Вперед, ястребы!» Голубиное воркование не умолкало ни на мгновение.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Циммерман – Дилан Боб.

2

Арпеджио (ит. arpeggio, от arpa – арфа) – исполнение звуков аккорда – вразбивку при игре на арфе, фортепьяно и других инструментах.

Купить: https://tellnovel.com/ru/uoller_robert/mosty-okruga-medison

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить